

Случай Башлачева – это, безусловно, ситуация гения. Я должен заметить, что когда мы читаем биографии людей, которых принято считать таковыми, мы часто встречаем в них один и тот же сюжет, одну и ту же историю: дескать, гений, как правило, поцелован либо решительно всеми, либо, по крайней мере, несколькими музами сразу. С Башлачевым было как раз так. Он довольно здорово писал прозу. Сохранилось мало его прозаических сочинений, но, тем не менее, на основании того, что есть, мы можем это утверждать. И, кроме того, есть немало воспоминаний о его драматургических опытах и, судя по всему, это тоже было достаточно незаурядно и интересно. Александр здорово рисовал и вот этот талант имел для него большие последствия и большое значение, поскольку какое-то время он работал художником на заводе, а в институте это позволило ему достаточно легко пройти (ну, по крайней мере, относительно легче) пройти военную кафедру и колхозные поездки: каждое лето студентов тогда отправляли в колхоз для уборки овощей. А Александр работал по наглядной агитации, обновлял плакаты и тому подобные вещи. Но, главное, это поместило его в замечательную творческую среду талантливых однокашников, с которыми он поддерживал отношения так или иначе и в последствии. Это знакомство нашло отражение в его позднем творчестве, но это отдельная тема для разговора. Башлачев также сам освоил музыку, что еще более удивительно. Первым инструментом, на котором он научился играть, стало фортепиано, которое родители купили для его сестры Леночки, а чуть позже он научился играть и на гитаре. Свой первый инструмент, свою первую гитару Башлачев купил в Ленинграде в мае 1984 года, когда приезжал на второй фестиваль Ленинградского рок-клуба в качестве журналиста. И, конечно, если принимать во внимание то, как его судьба пошла в дальнейшем, в этом видится какой-то едва ли не мистический, и, уж по крайней мере, символический смысл. Александра манил к себе Ленинград загадочным, таинственным образом, и когда возник вопрос о том, куда уезжать из Череповца вариантов на самом деле было три: Таллин, Москва и Ленинград. Он выбрал последний, в том числе, и потому, что чрезвычайно был увлечен творчеством группы «Аквариум» и так как в Ленинграде была перспектива познакомиться с Борисом Гребенщиковым, он остановился именно на нем. То, что Башлачев научился играть на гитаре сам привело к достаточно незаурядной методике игры. И когда я слышу, что у Башлачева какие-то примитивные аккомпанементы, я всегда удивляюсь. Во-первых, у него совершенно необычные аккорды, некоторые из которых я не встречал в других сочинениях, у него не самые простые и не самые общепринятые бои, я уже даже не говорю про фантастическую экспрессию, про эти пальцы,

разбитые в кровь. А ведь на самом деле, пальцы, разбитые в кровь, если вдуматься, то это тоже во многом последствия самостоятельного освоения инструмента, поскольку это приводит к специфической, не совсем соответствующей школе, постановке руки. Ситуация Башлачева – это, безусловно, ситуация гения. Ведь он написал чуть больше ста текстов, выступил чуть больше 200 раз, но тем не менее, теперь мы говорим о нем, как о едва ли не самой крупной фигуре своего времени и, уж точно, самой крупной фигурой в той субкультуре, в которой он оказался. Александр перевернул песенную и поэтическую традицию в достаточной степени ортодоксальной в творческом отношении стране. Причем он сделал это вовсе не авангардными средствами, не как авангардист, который в общем-то своей целью видит некую художественную революцию, некое переворачивание, некое реформирование. Он создал новое предельно старыми средствами и, в том числе, из-за этого он поэт классический и академический. Если что-то и роднило его с роком, то это, пожалуй, эстетика бунта. Но только если у его современников и коллег бунт юношеский, социальный, политический, поколенческий, то в случае Башлачева то это, безусловно, бунт онтологический.